

Эпоха пандемии: год второй. Возвращение будущего

Олег Барабанов, Тимофей Бордачёв,
Ярослав Лисоволик, Фёдор Лукьянов,
Андрей Сушенцов, Иван Тимофеев

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-907318-49-6

© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2021

Российская Федерация, 127051, Москва,
улица Цветной бульвар, дом 16/1

Об авторах

Барабанов Олег Николаевич

Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», профессор МГИМО МИД России, профессор РАН

Бордачёв Тимофей Вячеславович

Кандидат политических наук, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», научный руководитель Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ

Лисоволик Ярослав Дмитриевич

Доктор экономических наук, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», член Бреттон-Вудского комитета

Лукиянов Фёдор Александрович

Руководитель авторского коллектива, директор по научной работе Фонда клуба «Валдай», главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, профессор-исследователь НИУ ВШЭ

Сушенцов Андрей Андреевич

Кандидат политических наук, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», директор Института международных исследований МГИМО МИД России

Тимофеев Иван Николаевич

Кандидат политических наук, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», директор программ Российского совета по международным делам

Содержание

- 3 Введение
- 4 Выключенная глобализация
- 6 Из темницы в тюрьму?
- 13 Глобализация наоборот:
глобальное размежевание
- 18 Взрыв метана
и его последствия
- 27 Должно получиться лучше

Стоит только попристальнее взглянуть в настоящее, будущее вдруг выступит само собою. Дурак тот, кто думает о будущем мимо настоящего. Он или соврёт, или скажет загадку.

Н.В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями, 1846

Введение

Необратимость освобождает. Предопределённость настораживает только в начале. По мере осознания и принятия она может стать даже комфортной: не надо ломать голову по поводу стратегии, можно сосредоточиться на обустройстве тактики. Безальтернативность приносит облегчение. Особенно если считать, что предлагаемый единственный путь одновременно и единственно верный. Возвращение выбора, появление новых сложных развилки становится встряской. Окончание проторённой колеи пугает. Зато даёт шанс выбрать другое направление вместо того, которое, возможно, вело в тупик.

Пандемия коронавируса – 2020 случилась в рамках одного из самых продолжительных и в целом весьма стабильных периодов всеобщего мира – прошло уже 75 лет с момента большой войны. Вероятно, по этой причине эффекты, произведённые ими, иногда сравнивают. Но в отличие от войны пандемия не имеет рукотворного характера, и поэтому невозможно поместить её последствия в матрицу силового взаимодействия государств, которое исторически является главной формой их коммуникации. Соответственно, никакой новой иерархии, обычно являющейся следствием мирового конфликта, возникнуть не может. Как и связанного с этой иерархией международного устройства.

Пандемия стала первым в истории явлением такого масштаба – мощное потрясение, не связанное с большой войной, которое приобрело общемировое политическое значение. В значительной степени потому, что сделалось рубежным событием для глобального перераспределения сил и в плане накопления «усталости» либеральной рыночной экономики – мировой капиталистической системы. Потенциал изменений уже был аккумулирован, требовался импульс, и им послужила нежданная зараза. Но не в меньшей степени пандемия имеет значение и как таковая, вне связи с тем, что происходило прежде. Она оказалась универсальным вызовом практически для всех государств планеты – лакмусовым тестом, на который каждый реагировал в соответствии со своими

представлениями и возможностями, хотя и в рамках общих алгоритмов поведения современного государства. Практически идентичная реакция большинства государств с самого начала пандемии привела к разным результатам на её следующих стадиях.

За почти два года с того момента, как странный вирус превратился в глобальную пандемию, о ней написано так много, что даже неудобно снова браться за эту тему. Тем более что Клуб «Валдай» выпустил в 2020 году два обобщающих доклада¹, в которых мы попытались оценить происходящее и даже заглянуть вперёд. Правда, в жанре утопии, но чем он хуже других?

Утопия показалась нам правомерной, потому что устремлена в будущее. А возвращение будущего – возможно, одно из самых важных следствий пандемии. Будущего, которое многовариантно, в котором события могут пойти по разным сценариям и привести к совершенно различным результатам.

Выключенная глобализация

Реальность конца XX – начала XXI века исходила из того, что будущее уже наступило. Возможно, не у всех сразу, но оно неизбежно приближается, главное, известно какое. Сама метафора «конца истории», ставшая лейтмотивом целой политической эры, подразумевала, что будущего уже не нужно. История достигла своего оптимума. И дальше вопрос только в том, как быстро и насколько безболезненно «правильная» схема государственного и международного устройства распространится повсеместно, чтобы решить проблемы человечества навсегда. Технологические достижения тем более усилили ощущение наступившего грядущего – почти всё, о чём ещё недавно писали фантасты, либо сбылось, либо уже понятно, когда сбудется.

¹ См.: Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И. Не одичать в «осыпающемся мире» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 14.05.2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/ne-odichat-v-osypayushchemsya-mire/>; Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И. Утопия многообразного мира: как продолжается история. Ежегодный доклад Клуба «Валдай» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 13.10.2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/utopiya-mnogoobraznogo-mira-2020/>

Поскольку наступившее будущее изначально объявили светлым, ему надлежало радоваться. Необратимость была лишена трагического оттенка и трактовалась как окончательное торжество прогресса. Ну а тревожные звонки и побочные явления, которыми сопровождалась либеральная глобализация, считались неизбежными издержками на пути к всеобщему успеху. Даже убеждённые противники глобализации, её непримиримые критики, по сути, не видели возможности развернуть процесс вспять. Максимум из-за чего ломались копья – как смягчить последствия глобального мира, приспособиться к нему тем, кто не относится к числу флагманов. Им предлагались скромные меры поддержки. Коммуникационный рывок последних полутора десятилетий окончательно зафиксировал неразрывность мировой системы.

Пандемия перечеркнула эту стройную картину. Оказалось, что необратимости нет, а почти всю глобализацию в привычном виде можно буквально выключить в течение полутора недель по всему миру (март 2020 года). И те же самые технологии, которые объединяли, начинают столь же эффективно работать на разделение. Всеобщее закрытие весной 2020 года ударило по всем четырём свободам передвижения, которые и составляли основу глобального устройства – свободное перемещение людей, товаров, услуг и денег. Ограничены они оказались в разной степени – от почти полного прекращения поездок людей до относительно мало, но всё же затронутых денежных потоков. В целом уровень международной мобильности упал многократно.

Это, естественно, вызвало шок, но мир не рухнул. Экономика, общественная жизнь, государственные практики адаптировались к изменившимся условиям. И чем дольше продолжается пандемическая нервотрепка, тем труднее вообразить возвращение к прежней реальности, даже если ожидания обществ пока связаны именно с таким развитием событий. Восстановление прежней ситуации невозможно ещё и по той причине, что правительства открыли для себя, насколько удобна эпидемиологическая угроза – всегда есть основания ввести те или иные административные меры, объявить чрезвычайное положение. Управление и контроль расцветают новыми красками. В некотором смысле выгодно поддерживать режим противодействия пандемии как можно дольше – государства осваивают открывающиеся возможности, это требует времени и навыка, нужно обоснование.

Наглядный пример «полезности» пандемии – миграционная политика. Проблема массовой миграции с Юга на Север не нова. Но нарастание кризисных явлений по всему миру, связанных с прямыми или опосредованными последствиями пандемии, подхлёстывают миграционные настроения, стремление жителей неблагополучных мест навсегда переселиться в благополучные. В длительной постковидной перспективе вероятно сохранение усиленного контроля границ или их очень избирательное открытие. Закрытые (насовсем) границы – эффективное средство для снижения миграционного давления, которое провоцирует внутреннее напряжение в развитых странах, и велик соблазн от них не отказываться.

Закрылись все одновременно – по понятным причинам: зараза есть зараза, кроме как изоляцией с ней не справишься. По иронии судьбы, это синхронное закрытие стало, возможно, последним актом подлинной глобализации, когда все делают одно и то же. Открываться будет уже не вся планета вместе, а отдельные страны и регионы, каждый по своей логике, по своему графику и исходя из собственных соображений, отнюдь не только эпидемиологических.

Из темницы в тюрьму?

Предыдущим бедствием такого рода, которое по охвату можно сопоставить с *COVID-19*, была вспышка «испанского гриппа» в 1918 году. Аналогия хромает по многим причинам, в том числе и потому, что протекание пандемии сейчас отличается от того, что было столетие назад. Однако «сверить часы» с «испанкой» всё же стоит, поскольку наступивший период отчасти напоминает то, что за ней последовало – «ревушие двадцатые» прошлого века. Неопределённость, наступившая после краха прежнего мирового устройства, революционный слом во внутренней политике, отсутствие действенных международных институтов по согласованию интересов, широкая вариативность дальнейшего развития. Эти параметры, особенно последний, вполне применимы к нынешней ситуации.

«Ревущими», правда, наши двадцатые назвать язык не повернётся. Сто лет назад мир переполняла энергия и созидательного, и разрушительного рода, отсюда и экзальтированный «рёв», и разнообразные последствия. Сейчас царит ощущение многочисленных опасностей, непонимания, что дальше, и доминирует желание как-нибудь так всё переустроить, чтобы в идеале сохранить, как было.

Изменила ли пандемия мир? И отрицательный, и положительный ответы верны. Первый в большей степени справедлив для мировой политики. Повестка дня до и во время пандемии практически идентична, ни один из прежних конфликтов не решён, никакие противоречия не исчезли, кризис институтов, который был очевиден уже давно, только ускорился и усугубился. Второй относится к обществам и государствам, отношения внутри них и между ними претерпевают перемены и становятся в общемировом масштабе гораздо более важными, чем были до всех этих событий. Фиксация государств на внутренних делах – явление повсеместное.

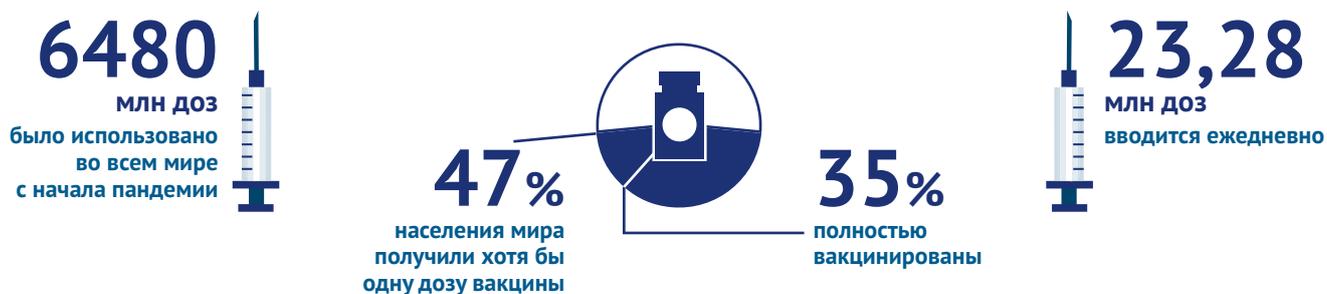
Коронавирус стал яркой иллюстрацией того, что всякое государство подвергается транснациональным воздействиям, способным кардинально повлиять на ситуацию внутри. И инфекция – лишь один пример. Влияние извне на состояние общества делается предметом максимальной озабоченности государств. Например, практически ни одна избирательная кампания в значимых странах не обходится теперь без темы иностранного вмешательства. А всеобщая одержимость деятельностью информационно-технологических гигантов, которые из олицетворения прогресса и удобства на глазах превращаются во врагов государства и общества, тоже связана со стремлением чётко обозначить границы суверенитета и оградить его от влияний.

Цифровизация была ведущим международным трендом и до пандемии. Рассматривалась она, естественно, как выход глобализации на новый, ещё более тесно взаимосвязанный уровень. Пандемия сработала в качестве мощного катализатора цифровой трансформации. Например, дистанционная работа технически была возможна задолго до *COVID-19*, но стала поистине массовым явлением в условиях карантина. Новые формы работы – более дешёвые и доступные – прочно войдут в обиход и после окончательной победы над эпидемией.

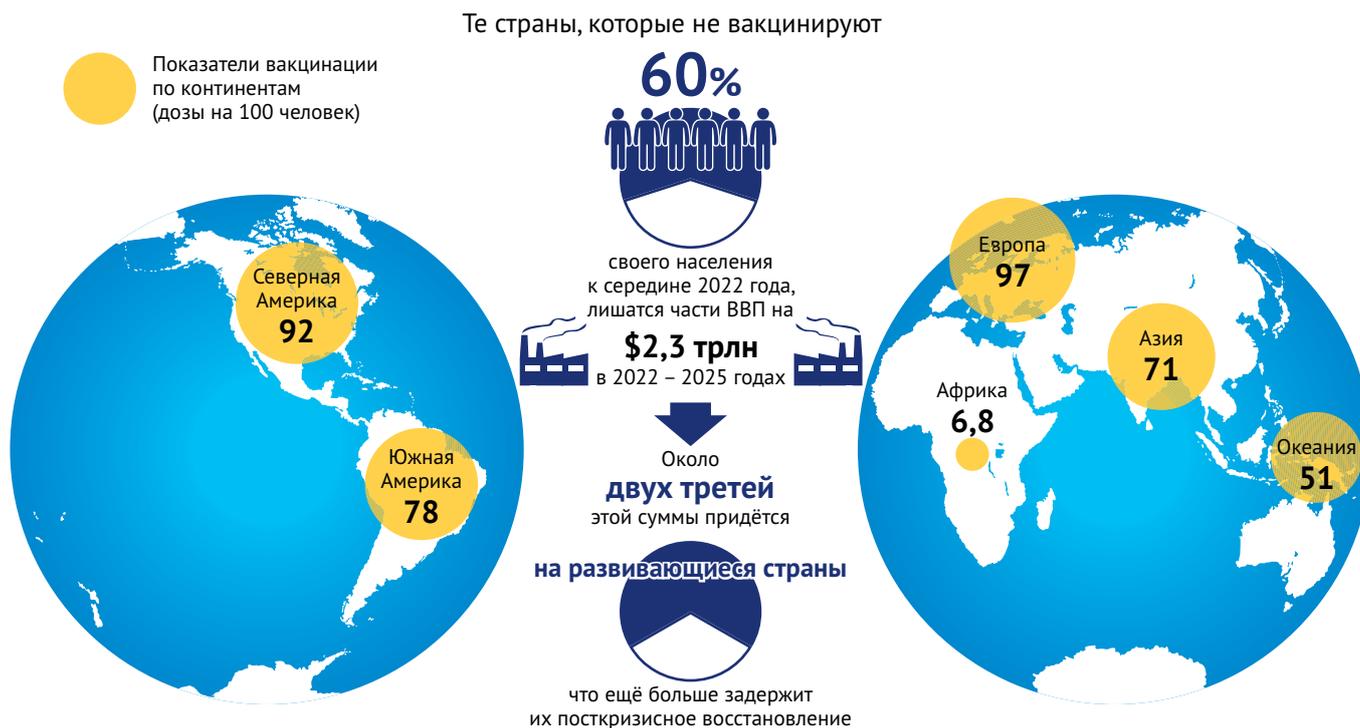
ГЛОБАЛЬНАЯ ВАКЦИНАЦИЯ ПРОТИВ COVID-19: ДОСТИЖЕНИЯ И ВЫЗОВЫ

Кампания вакцинации в мире продвигается неравномерно.

В странах с более высоким уровнем дохода хотя бы одну дозу вакцины к августу 2021 года получили около 60 % населения. В бедных странах охват составил только 1 %

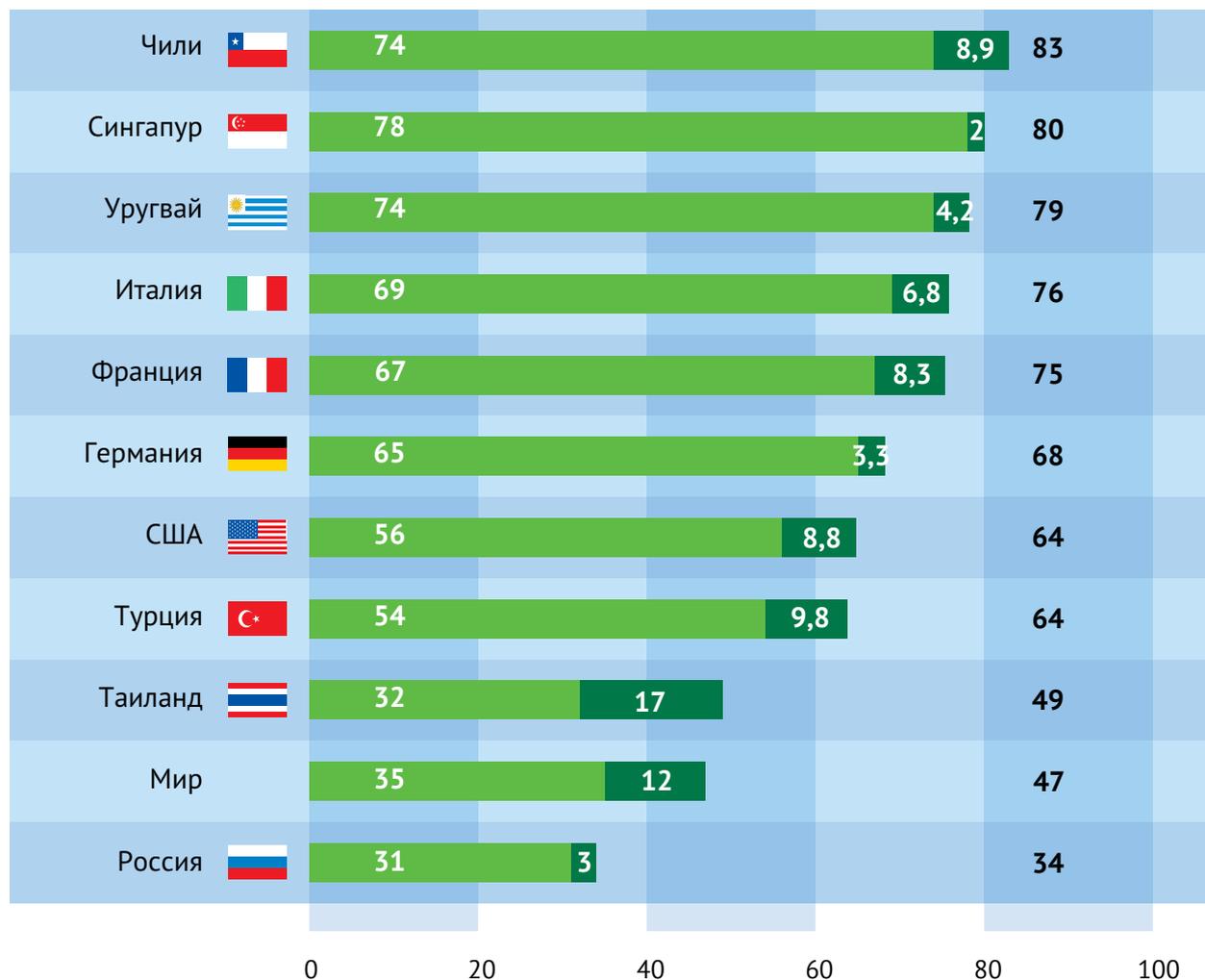
Почему нужна вакцинация

Источники: ourworldindata.org, www.eiu.com, www.nytimes.com, информационные агентства.

ДОЛЯ ВАКЦИНИРОВАННЫХ ОТ COVID-19 НА 9 ОКТЯБРЯ, %

■ Полностью вакцинированы
 ■ Получили хотя бы одну дозу вакцины от COVID-19

Источники: ourworldindata.org, www.eiu.com, www.nytimes.com, информационные агентства.

Однако в новых условиях восприятие «цифры» меняется. **Во-первых**, проблема кибербезопасности становится едва ли не самой главной. На цифровую инфраструктуру замкнуты теперь основные механизмы жизнедеятельности человека, общества и государства. Это повышает общее ощущение уязвимости. **Во-вторых**, важнейшим следствием цифровизации экономики и социальной практики становится резкое повышение эффективности «микровласти» – контроля за отдельными индивидами. Субъектов «микровласти» всё больше – её могут отправлять компании,

предприятия, государственные структуры. Тенденция к исчезновению самого понятия приватности набирает обороты давно, но потребность в социальном контроле для обеспечения карантина значительно ускорила такое развитие.

В «постковидном» мире почти невозможно «потеряться», скрыться от взгляда государства, крупных корпораций, вообще – любого взгляда со стороны. Новые возможности охотно используются и на частном уровне. Геолокация, данные камер наблюдения и многочисленных мобильных устройств позволяют не только проследить за каждым шагом конкретного человека, они производят «большие данные», обработка которых становится всё более системной и помогает развивать формы надзора.

Методы контроля совершенствуются давно, но сейчас очень ярко демонстрируется разница между тем, что, пользуясь терминологией Мишеля Фуко, можно назвать «обществом-темницей» и «обществом-тюрьмой». В первом случае узник всё-таки имеет возможность скрыться от взгляда надзирателя (так в обществе было прежде). Во втором – он не может сделать этого в принципе. Подразумевается, что комфорта и относительного благополучия в «камере» достаточно, чтобы компенсировать резкое сокращение личной свободы. Так ли это, станет понятно довольно скоро – по поведению различных общественных групп. Первые симптомы скореестораживающие – уровень социального напряжения растёт повсеместно. Можно смело говорить о том, что «удалёнка» привела к колоссальному стрессу, увеличив нагрузки, продолжительность рабочего дня (вплоть до полного исчезновения разницы между работой и досугом), усугубив размывание границы между частным и публичным. Но влияние цифровой революции и сужения свободы на когнитивные способности и состояние психики людей в полной мере ещё предстоит оценить.

Ужесточение контроля не зависит и от уровня благосостояния общества. Раньше принадлежность к нижним слоям обеспечивала относительную «незаметность» для государства. Цифровизация проникает даже в самые бедные прослойки. «Цифровизованная беднота» – новая реальность. Если прежде смартфон или компьютер были признаками достатка, сегодня они доступны практически всем. Примечательно, что появившиеся уже давно формы бегства из реальности в мир компьютерных игр, виртуальных сообществ и тому подобного сейчас только расширяют

возможности для более плотного и интенсивного контроля над «беглецами» – через коммуникационные средства.

Отдельная тема – **меры пандемического контроля**. Ситуацию, когда медицинские чиновники определяют параметры жизнедеятельности общества (карантины, допуски, ограничения, маски, вакцинирование), наиболее активные оппоненты уже окрестили «медицинским тоталитаризмом». В 2020 году мы писали, что понятие «биовласть» имеет отличный шанс переключиться из философских трудов минувшего столетия в повседневность². Это произошло очень быстро. Жизнь в условиях бесконечных тестов и непрекращающихся дискуссий о прививках стала реальностью. От результатов анализов зависит уровень доступа и, соответственно, способность участия в профессиональной и социальной жизни. По мере утихания первых страхов перед неизвестностью весной прошлого года «медицинский тоталитаризм» начинает восприниматься как реальная угроза правам и свободам человека. И потому вызывает социальные протесты во многих странах, которые, впрочем, решительно пресекаются опять-таки на основании эпидемиологических причин.

Станет ли «тотальная биовласть» частью новой нормальности (маски и ограничения – с нами навсегда)? Помимо собственно медицинских соображений есть и понятный управленческий соблазн сохранить атмосферу вирусологической неуверенности. Ну и очевидный коммерческий аспект – разработчики и производители вакцин, тестов, лекарств и всего связанного с этим комплекса товаров проторили путь в свою страну Эльдорадо.

Наращение контроля производит парадоксальный унифицирующий эффект. Надзор становится всеобъемлющим и в «демократиях», и в «автократиях». Свобода индивида ограничивается при любом политическом режиме. Представители «свободного мира» настаивают, что «автократии» начнут злоупотреблять новыми возможностями, а «демократии» останутся в русле уважения прав человека, но на деле это едва ли возможно. Даже просто в силу логики общества, построенного на обязательном контроле. Нет никаких явных границ, которые остановили бы его распространение.

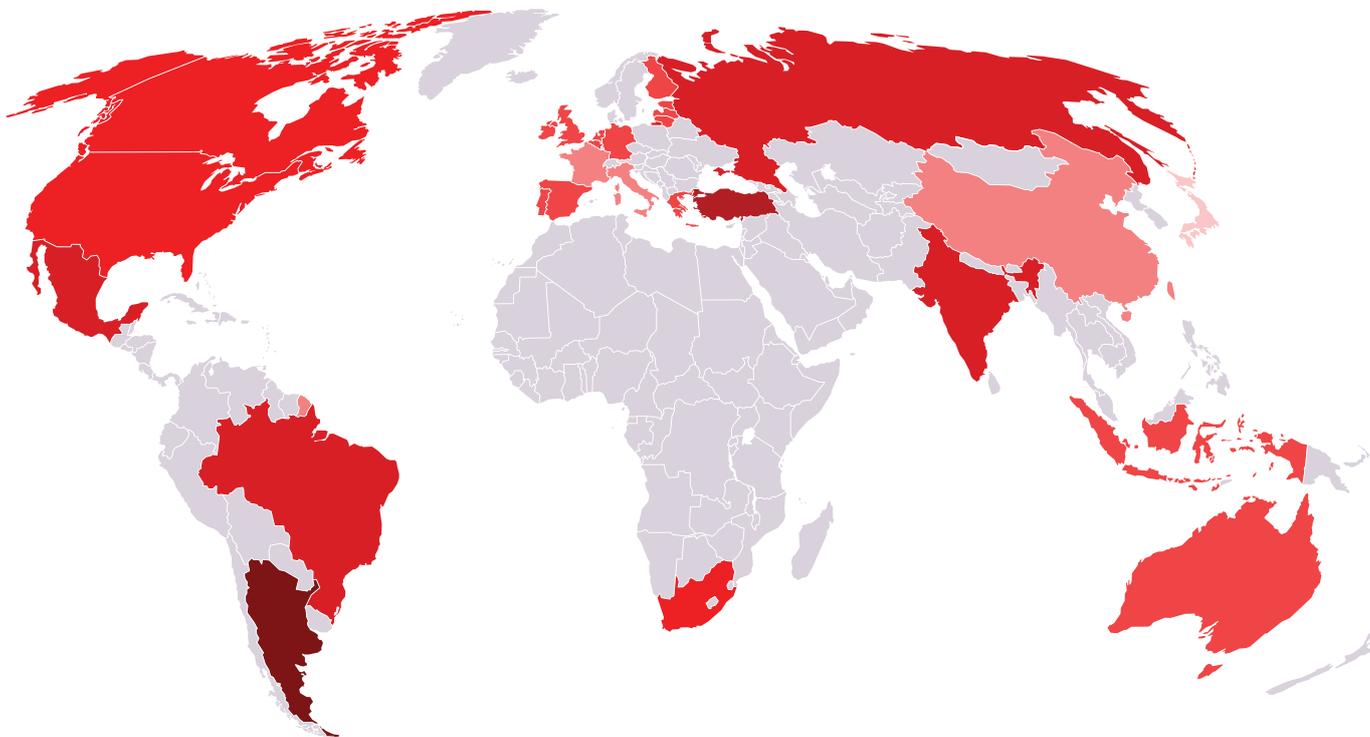
² См., например: Барабанов О. Глобальная биовласть: от теории к реальности? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 17.11.2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/globalnaya-biovlast-ot-teorii-k-realnosti/>

УРОВЕНЬ ИНФЛЯЦИИ В МИРЕ

Инфляция в странах G20 в 2021 году*

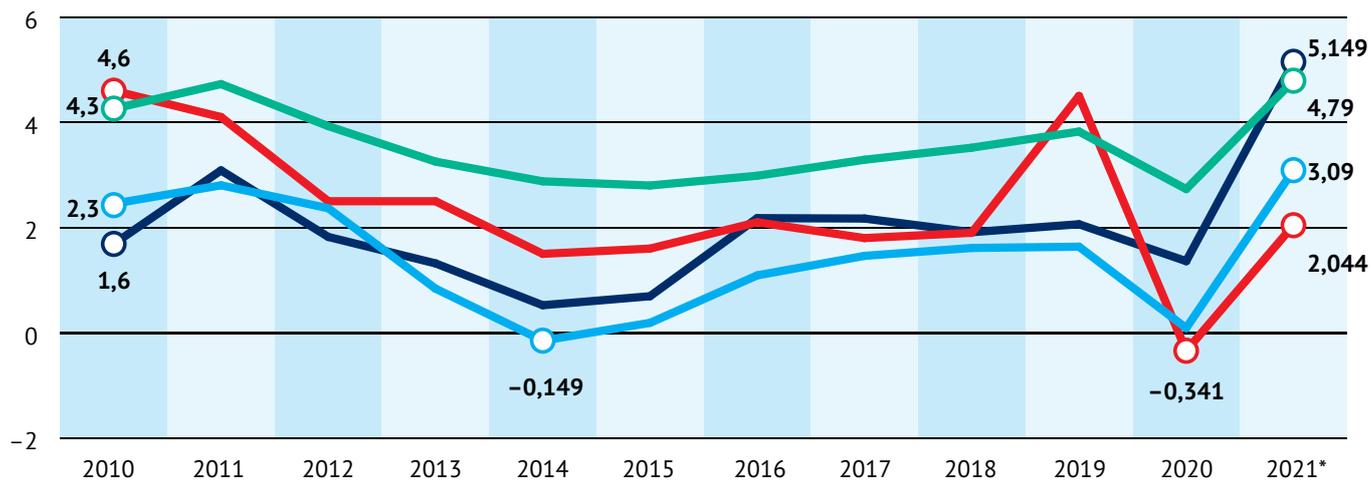
Данные показывают ежегодный уровень инфляции в отдельных странах. Для еврозоны (за исключением Германии, Франции, Италии и Испании) показано среднее значение для 19 стран

<0% 0–2% 2–3% 3–5% 5–7,5% >15% >45%

Инфляция в мире 2010–2021, %

Мир ЕС Китай США

*Прогноз.

Источники: ОЭСР, МВФ.

Одна из причин: массовый пользователь сам охотно «раздевает» себя в информационном поле. Многие из того, что известно о человеке по его активности в социальных сетях и всемирной паутине, выкладывается им самим. Даже кратковременный отказ от гаджетов в современном обществе попросту невозможен. Всемирный переполох, который вызвал в начале октября 2021 года шестичасовой сбой сервисов корпорации «Фейсбук» показал, до какой степени человек привык быть зависимым от коммуникационных сетей и стал громким напоминанием об опасности монополизма в данной сфере. Поиск неглобальных альтернатив явно активизируется, что будет работать на фрагментацию и в коммуникационной сфере, хотя до сих пор она почти не была затронута этим процессом, охватившим политику и экономику.

Глобализация наоборот: глобальное размежевание

Влияние пандемии на экономику очевидно и весьма велико. Естественно, имеется относительно краткосрочное воздействие, связанное со спадом из-за приостановки или резкого снижения экономической активности. Но важнее структурные изменения, обусловленные реакцией на пандемию. В начале пандемии были распространены предположения, что завершение кризиса, сколько бы он ни продлился (считалось, что он не будет очень долгим), приведёт к экономическому буму, расширению и углублению глобализации. Произошло, однако, иное. На фоне политической фрагментации мира экономика не превратилась в средство противодействия этому процессу, «глобальную скрепу». Скорее она двинулась в том же направлении, что и политика. С точки зрения устойчивого развития каждого государства неоспоримой ценностью стала самодостаточность, способность функционировать при высокой степени изоляции.

Беспрецедентный масштаб стимулов, пакетов антикризисных мер, принятых правительствами многих стран, прежде всего крупнейших экономик, привёл к общемировому всплеску инфляции. Высокая инфляция

может усиливать ограничительные тенденции в области внешнеэкономического регулирования – например, за счёт введения экспортных пошлин для ограничения роста внутренних цен. В свою очередь растущий протекционизм в виде импортных тарифов и нетарифных ограничений обостряет проблему инфляции с помощью удорожания импортной продукции. В целом такого рода тандем инфляции и протекционизма ещё больше усиливает интровертность стран и делает сценарий стагфляции в мировой экономике всё более реальным.

Экономисты сегодня в числе тех, кто ошибался чаще всего. И вопрос не в прогнозах «отскока» или сроков выхода из острого кризиса, а в ожидании общего направления развития. Мир живёт в условиях уникального уровня неопределённости. Для каждого государства это невероятно серьёзный вызов: какую экономическую политику проводить, не имея возможности точно предсказывать сценарии развития. Никто уже не спорит, что пандемия – явление долговременное, возможно, даже хроническое. Новые волны накатывают одна за другой, и нет смысла пытаться предугадать, когда закончится напасть. Не говоря уже о том, что усилиями алармистов все уже настроились: следующая пандемия – вопрос времени.

Это аргумент в пользу политики, приоритетами которой становится жёсткая макроэкономическая стабильность и максимизация резервов, а не скорейшее наращивание темпов экономического роста. Первая волна пандемии в 2020 году (а тогда в основном всё-таки исходили из того, что кризис не будет затяжным) показала: сохранение ресурсов, использование которых ограничено, а не «вертолётно», позволяет оказывать адресную социальную поддержку более продолжительное время. А на следующих этапах кризиса она может оказаться более необходима. Таким образом, в условиях хронической пандемии государству целесообразнее «копить». Запрос на социальное государство, активную и обширную социальную политику будет расти. Впрочем, наличие запроса не является гарантией желания и способности государств на него отвечать. Снижение обязательств слишком долго было мировым мейнстримом.

Аналогичный вопрос стоит и применительно к здравоохранению, сфере, которая оказалась на передовой всемирной битвы. Нужно ли окончательно отказываться от оптимизации как базового подхода к медицине

(продукт доминирования неолиберальных взглядов в мире с 1980-х годов)? Целесообразно ли создавать медицинские резервы/койки/инфекционные больницы? Ведь в штатной ситуации при нынешнем уровне здравоохранения они действительно не нужны. Так не лучше ли перенаправить ресурсы на что-то другое? Но тогда раз в поколение (или чаще?) медицинская система в большинстве стран будет не готова к катастрофе, подобной *COVID-19*. Держать же в замороженном состоянии медицинские резервы – значит идти на расходы, избыточные в нормальное время. Если предположить, что коронавирус – исключение, которое бывает раз в поколение, резонно вернуться к привычной оптимизации. Если так, то через некоторое время произойдёт возвращение к идее отказа от резервов. Как произошло ползучее возвращение к атомной энергетике через несколько лет после Чернобыля и Фукусимы. Но если общеэкономическое направление станет более дирижистским и мобилизационным, возможно, и здравоохранение претерпит трансформацию.

Одним из важнейших понятий с конца XX века является «устойчивое развитие» – сбалансированный процесс экономических и социальных изменений, при котором задачи сохранения экологии, научно-технического прогресса, инвестиционной активности и развития личности должны находиться в гармонии. В последние годы устойчивое развитие рассматривается в привязке к зелёному переходу – глобальному изменению основ хозяйственной деятельности из-за необходимости затормозить скорость изменения климата. Пандемия подчеркнула неразрывный симбиоз человека и природы, а также опасность, исходящую от него, и повысила интерес к развитию, которое учитывало бы природные обстоятельства. Один из ответов на вызовы, которые принесла пандемия, – рост числа зелёных фондов, объёма зелёных инвестиций.

Однако произошло принципиальное изменение в том, что касается самой философии деятельности в экологической/климатической сфере. В конце XX – начале XXI века господствовало представление, что ответом на глобальные проблемы могут быть только глобальные, то есть подразумевающие участие всех, решения. Этот принцип был положен в основу Киотского протокола и в видоизменённом виде продолжался в Парижском соглашении по климату. Эффективность тех мер – предмет отдельной дискуссии, но их дух полностью соответствовал эпохе глобализации с верой во всё более единый мир.

Сейчас тема климата, конечно, обсуждается на самом высоком международном уровне, в том числе на встречах под эгидой ООН, однако инициатива перешла в руки отдельных стран, экономик или объединений. Зелёный переход рассматривается как инструмент изменения модели экономического развития, выхода на новый виток конкурентоспособности. Ну и, конечно, как большая стратегия по выходу из ковидного кризиса. Консультации ведутся, но не о том, как всем вместе решать проблему изменения климата, а фактически о формировании условий конкуренции на основе инструментов, которые связаны с темой экологии и климата.

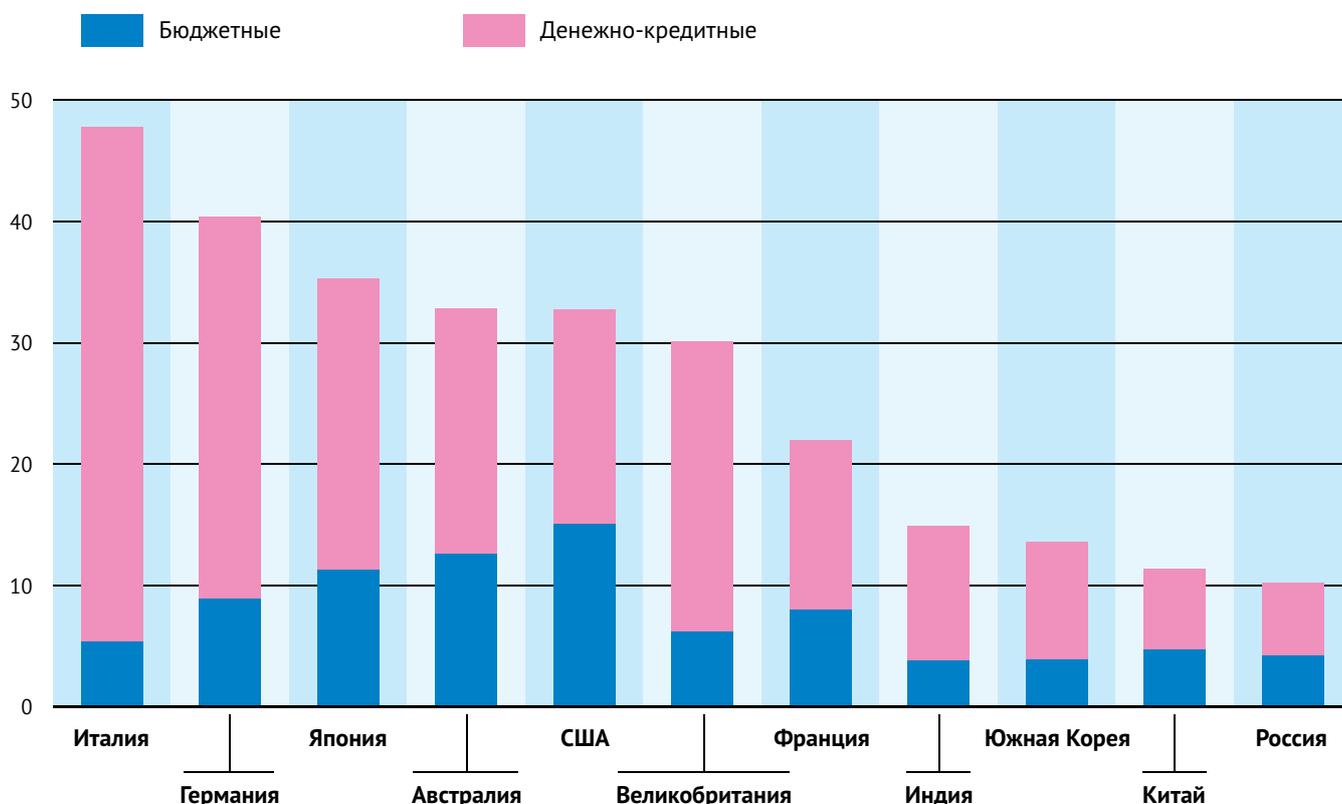
Три основных компонента зелёного перехода – углеродный налог, водородная экономика и повсеместное введение стандартов *ESG (ecology-social-governance)* – действенны с точки зрения ожидаемой трансформации, но не способствуют глобальному единению. Скорее они содержат потенциал для дальнейшего общемирового расслоения, поляризации на успешные и неуспешные страны.

Введение углеродного налога начнётся в Европейском союзе в период с 2023 по 2026 год (вероятнее всего, аналогичные меры примут и другие страны). Он призван создать финансовую базу для максимально безболезненного проведения зелёного перехода в условиях посткризисной экономики. Легко предположить, что на практике эта мера приведёт к своеобразной «налоговой войне» с другими игроками. Она может закончиться и разумным компромиссом, но прежде стоит ожидать серьёзной коллизии.

Водородная экономика должна прийти на смену углеводородной, и главные баталии развернутся вокруг трактовок того, что такое «зелёный водород» (водород, полученный с использованием зелёных технологий), не подпадающий под углеродный налог. Тема тоже конфликтная, поскольку, например, водород, получаемый из газа, может остаться за бортом зелёного преобразования, что ударит по интересам многих стран.

В скором времени стандарты *ESG* станут основой международных рейтингов государств и компаний и будут иметь не меньшее значение, чем финансовые рейтинги сейчас. Соответственно, категория по использованию чистой энергии и уровню выбросов при производстве,

БЮДЖЕТНЫЕ И ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНЫЕ СТИМУЛЫ, %

Источники: ОЭСР, МВФ.

в которую попадут государство/корпорация, определит её финансовое положение, инвестиционную привлекательность, банковскую процентную политику. Экологическая часть стандарта кумулятивно сочетается с практиками социальными (гендерными, недискриминационными и прочими) и управленческими (борьба с коррупцией). Тем самым вероятно быстрая селекция государств и компаний на «хорошие» и «плохие», согласно стандарту *ESG*.

В целом зелёная трансформация неизбежно ведёт к нормативным войнам. Основная коллизия развернётся вокруг вопроса о критериях измерений, стандартизации, принципах регулирования. И здесь важно, кто будет всё это устанавливать и сертифицировать. Ставки велики – позиция

преимущественного бенефициара от всемирного зелёного перехода. Здесь подлинную проверку пройдёт и концепция многополярного мира – насколько незападные «полюса» способны добиваться паритетного учёта их интересов в новом международном нормотворчестве или создавать собственные нормативные системы. До сих пор безоговорочным лидерством в этой сфере обладали США и Европейский союз.

Вне всякого сомнения, зелёный переход станет одним из определяющих факторов дальнейшего развития мира, который неизбежно породит победителей и проигравших. Поляризация на международной арене будет нарастать. Справедливости ради надо отметить, что даже контроль над инструментами зелёного перехода, который, видимо, останется в руках ведущих западных игроков, гарантией успеха не является. Многие из предлагаемых мер и стратегий носят скорее идеологический и визионерский, чем чётко просчитанный характер, так что результат может оказаться разным. В любом случае ближайшие годы зелёного перехода обещают быть конфликтными и малопредсказуемыми.

Взрыв метана и его последствия

Конфликт, в том числе классический межгосударственный, остаётся стержневой международной категорией. Пандемия остановила многие мировые процессы в экономике, общественной, культурной, спортивной и даже политической жизни большинства стран. Но не международные конфликты. С чем это связано? На лестнице государственных потребностей – если сравнить её с иерархией человеческих потребностей Абрахама Маслоу – физическая безопасность и суверенитет являются основополагающими. Если остальными потребностями страны могут пожертвовать, то только не безопасностью – ради её сохранения они готовы отдать любые ресурсы.

В условиях пандемии страны не снижают активности участия в военных кризисах и подготовки к ним. То есть угрозы, связанные с пандемией коронавируса, не уменьшают внимания держав к ущербу, который

конкуренты могут нанести их геополитическим позициям. Война на Южном Кавказе, продолжающееся противостояние в Сирии, Ливии, Йемене, явный рост напряжённости и милитаризация в Индо-Тихоокеанской зоне, сохранение взрывоопасного положения в украинском конфликте – примеры можно множить. Обострение большинства конфликтов говорит о том, что ведущие страны – прежде всего США, Россия, Китай – полагают: «нормальность», которую понимают как классическую конкуренцию великих держав и к которой мир двинулся задолго до пандемии, устанавливается всерьёз и надолго.

Но было бы неправильно сводить последствия пандемии к действиям государств в рамках уже сформированных тенденций и решений, вытекающих из инерционного развития международных отношений. Государства, конечно, воспользовались этим событием, чтобы аккумулировать свою власть внутри и вовне. Но они легко обошлись бы и без этого, может быть, это просто заняло бы больше времени. Пандемия вскрыла вопросы и проблемы развития, которые в ином случае, скорее всего, ещё долго оставались бы в «спящем режиме».

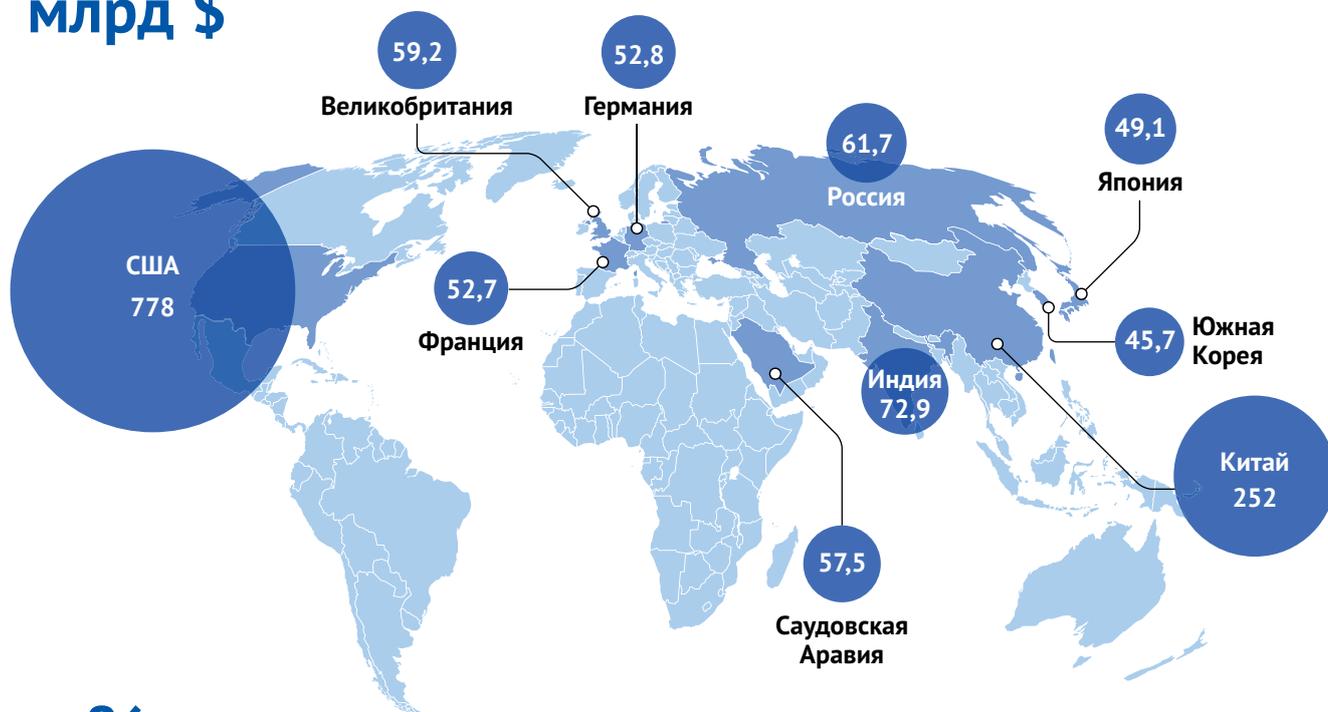
В одном из ежегодных докладов Валдайского клуба мы использовали для описания того, что происходит с мировым порядком, образ осыпания³. Имелось в виду расшатавшееся здание, которое не рухнет резко, а постепенно обваливается частями. Продолжим этот метафорический ряд. Пандемия – взрыв метана или внезапное воздействие на конструкцию, которое вызвано сочетанием стечения обстоятельств и накопленного износа. После такого воздействия процессы осыпания где-то ускоряются, где-то, наоборот, могут временно замедлиться в силу случившейся деформации. Меняется и поведение жильцов – они начинают цепляться за сохраняющиеся элементы здания, чтобы как-то удержаться, уже окончательно перестав задумываться о других. Конкуренция – продукт не только изменения соотношения сил, но и деградации существующего порядка, стремления каждого «утопающего» спасти самого себя.

Это качественно новая ситуация. Если бы изменения на мировой арене состояли только в замещении одного лидера другим (прежде такое бывало), они не имели бы такого системного характера. Китай не может

³ Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И. Жизнь в осыпающемся мире // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 15.10.2018. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/zhizn-v-osypayushchemsya-mire/>

ТОП-10 СТРАН ПО ВОЕННЫМ РАСХОДАМ В 2020 ГОДУ

млрд \$

%

США 39

Южная Корея 2,3

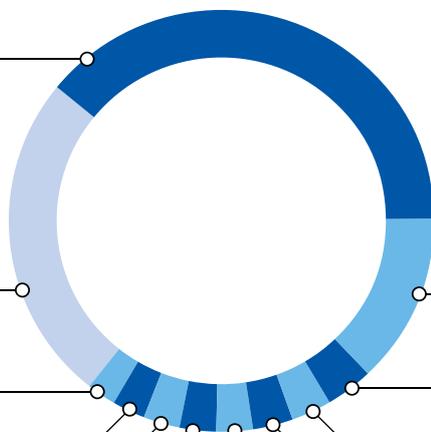
Япония 2,5

Франция 2,7

Германия 2,7

Китай 13

Индия 3,7

Россия 3,1

Великобритания 3

С. Аравия 2,9

Источники: sipri.org, www.nato.int

МИРОВЫЕ ВОЕННЫЕ РАСХОДЫ В 2020 ГОДУ ПО СРАВНЕНИЮ С 2019 ГОДОМ (%)

Источники: sipri.org, www.nato.int

просто заменить США в качестве доминирующей державы, потому что исчезает порядок, предполагающий само такое лидерство (основа порядка была заложена во второй половине XX века, а «пирамидальную» форму он обрёл после холодной войны). Конкуренция сейчас разворачивается не в связи с тем, кто получит доступ к максимальным благам и подчинит всех своим интересам и представлениям, а из-за того, кто сможет собрать больше ресурсов, необходимых для выживания в условиях глубокого кризиса рыночной капиталистической экономики и мирового порядка. Кризиса, требующего капитальной перестройки после окончания «конца истории» и начала непредсказуемого будущего.

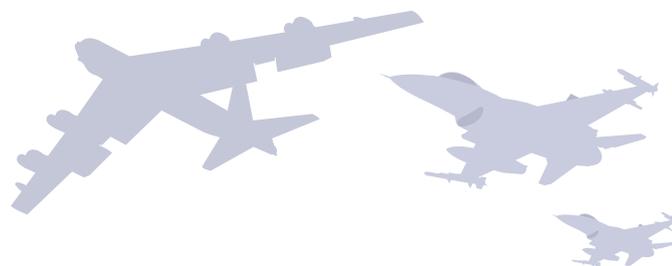
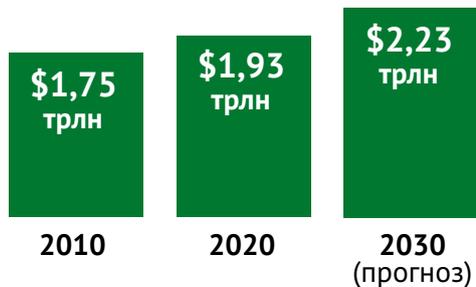
Последствия пандемии, впрочем, слегка приоткрыли завесу будущего международной политики после завершения «тридцатилетнего перехода» – исторического периода, следовавшего за холодной войной. Самая важная и центральная тенденция сегодня – обособление государств друг от друга и от любых попыток внешнего влияния на их поведение.

Физическое выражение – последовательная политика ограничения основных свобод глобализации, сворачивание тех её элементов, которые ставят политику отдельного государства в зависимость

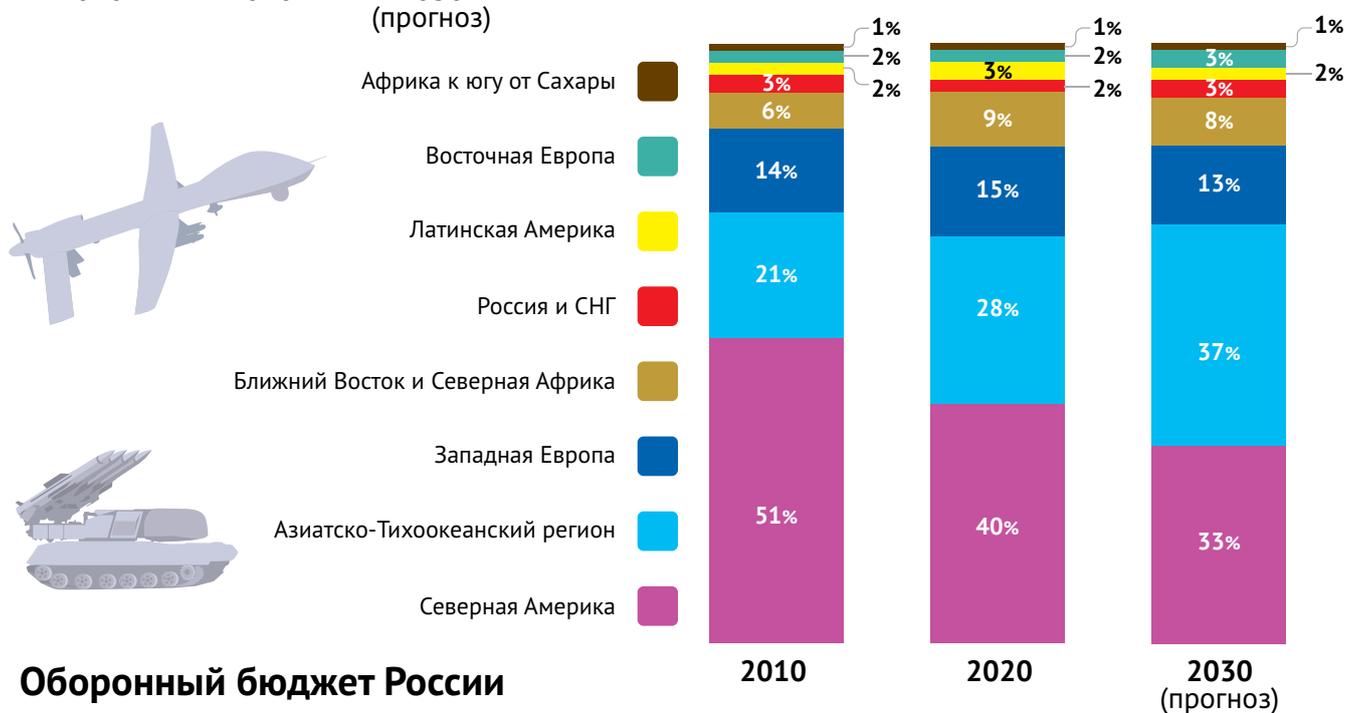
РОСТ ОБОРОННЫХ БЮДЖЕТОВ В 2020 ГОДУ

В соответствии с данными о расходах на оборону, предоставленными Jane's, после семи лет непрерывного роста глобальные расходы на оборону выросли на 1,9% и достигли \$1,93 трлн в 2020 году

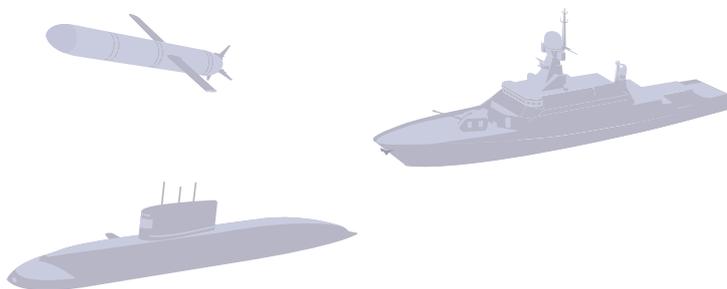
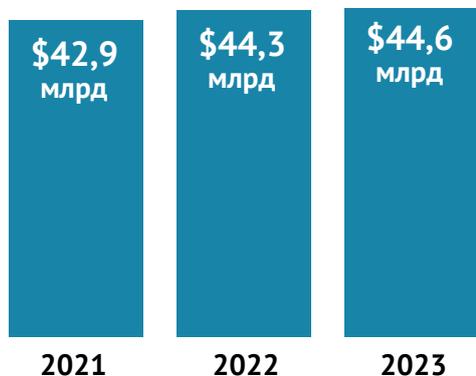
Военные бюджеты в мире

Военные бюджеты по регионам

Оборонный бюджет России

Источники: janes.com, tass.ru, economy.gov.ru

от неподконтрольных ему факторов. Основная борьба сейчас – не столько государств между собой, сколько между государством и глобализацией, её основными порождениями и движущими факторами. Межгосударственные противоречия пока сдерживаются ядерным оружием и привычкой к в принципе комфортному безответственному существованию.

Международное сообщество движется к новому балансу сил, но без сильных институтов и полюсов. Это не означает, что все организовано отступают на какие-то позиции – постоянно происходят попытки нарастить свои относительные возможности по всем фронтам и на всех полях – вакцины, права человека, экономика, военная сфера. Происходит ослабление стратегических связей и активизация тактического взаимодействия. Санкции и торговые войны – новый инструмент борьбы, поскольку военный конфликт чреват самоубийственными последствиями. Сублимация прямого столкновения через невоенные способы противостояния будет продолжаться. Предстоящее экономическое переустройство, описанное выше, тоже даёт богатые возможности для разных форм борьбы.

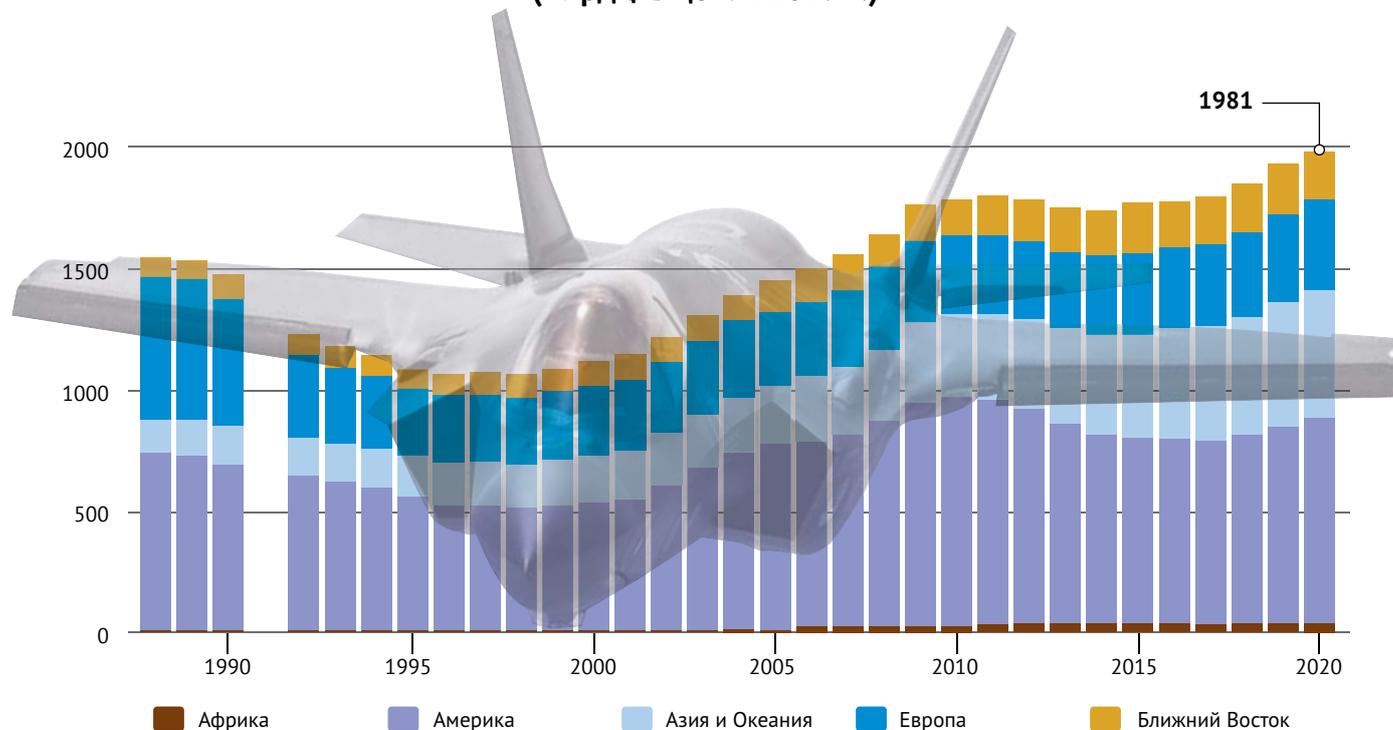
Особенность такого баланса сил – то, что в нём нет общего источника легитимности. Невозможно возникновение сильных группировок – средние и малые участники всё равно будут колебаться и создавать ситуативные комбинации. В жёсткой структуре на самом деле не заинтересован никто. Ни одна крупная держава не хочет оказаться в положении, когда её вынудят к войне с целью взорвать весь международный порядок. Даже гипотетическое создание полноценного союза между Китаем и Россией не поставит мир на грань 1914 года – слишком много разных глобальных и региональных игроков. Это многообразие не позволяет осуществить эффективный блоковый раздел мира, но оно же содержит риск дальнейшей дестабилизации.

Восстановить распределение прав, которое возникло по итогам холодной войны, тоже не получится. И это позитивный фактор, потому что оно было несправедливым и противоречило международному порядку, в основу которого положены итоги Второй мировой войны. Особые права стран Запада основаны на том, что созданная ими

ВОЕННЫЕ РАСХОДЫ В 2020 ГОДУ

Общие мировые военные расходы выросли до \$1981 млрд, это на 2,6% больше, чем в 2019

Динамика мировых военных расходов 1988–2020 гг. (млрд \$ в ценах 2019 г.)

Источники: sipri.org, www.nato.int

система взаимодействия государств получила глобальный характер, а сами они обрели возможность извлекать большие выгоды, чем остальные страны. Прибегая к аналогиям – в рамках общего дома они получили особые привилегии. Сейчас этот дом рушится, и преимущество Запада в том, что он накопил больше ресурсов для выживания в условиях общей катастрофы. Но не более.

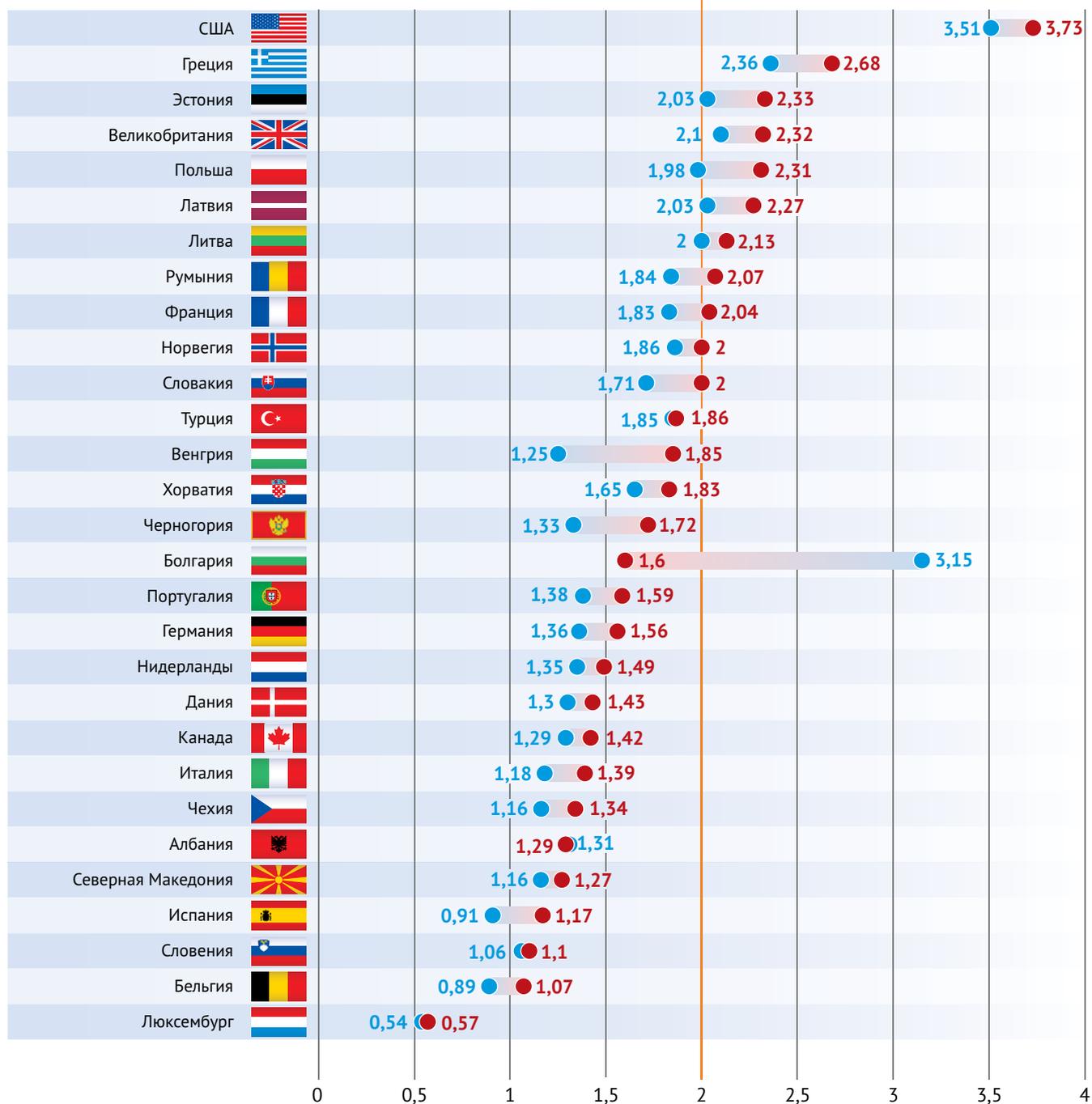
В борьбе государств за выживание на первый план выходит проблема большинства малых и средних участников международного сообщества. В основной массе они возникли в качестве самостоятельных игроков именно в эпоху максимально комфортного развития международной среды – во второй половине XX века. Для эффективного

ВОЕННЫЕ РАСХОДЫ СТРАН НАТО В % ОТ ВВП

Все члены альянса обязаны расходовать на оборону **2%** от своего ВВП

● 2019 ● 2020

Источники: sipri.org, www.nato.int

функционирования институтов требовалось много участников, обладающих формальным равенством. Институты же обслуживали прежде всего интересы ведущих игроков, но были выгодны и остальным. Сейчас институты уже не имеют значения для выживания сильнейших, соответственно, снижается и нужда в услугах слабых государств. Некоторые из средних или небольших игроков, обладающих тем или иным ресурсом, активно ищут пути самостоятельной реализации, собственную нишу. У кого-то это получается. Но в основном – вероятно стремительная деградация многих стран, у которых нет сил, чтобы удерживать за собой пригодные для полноценной жизни элементы осыпающегося здания. Это касается всех областей – военно-политической, экономической, социальной политики, международной торговли, даже культуры. Сколько обитателей мирового строения сохранится в своём нынешнем качестве, предсказать невозможно. В прежние исторические периоды упадок каких-то государств или территорий подразумевал, что кто-то из сильных соседей установит над ними контроль и тем самым возьмёт ответственность. Сейчас это почти исключено – в лучшем случае соседи принимают меры по минимизации исходящих с проблемной территории рисков. Классический экспансионизм вышел из моды.

Ещё одно следствие финальной стадии осыпания, которую спровоцировал пандемийный взрыв, – это подлинная деглобализация. Речь уже не идёт о том, чтобы приспособить порядок, существующий в мировой экономике, к интересам отдельных стран. Задача, которую решают державы, состоит в сохранении за собой ресурсов, до которых они могут дотянуться, не претендуя на извлечение выгоды из функционирования системы жизнеобеспечения всего здания (его просто больше нет как целостной конструкции, хотя накренившийся каркас ещё стоит). Это – окончательный отход от глобализации в той её форме, которую мы знаем по второй половине XX века. Результаты зелёного перехода совсем не обязательно приведут к сооружению нового глобального строения, как описано выше, конфликтный потенциал там крайне велик.

Следующее важное изменение – относительное сокращение значения силы каждой из держав. Этот фактор остаётся определяющим, но поскольку управлять уже нечем, а главные проблемы внутри, то сила всё менее применима для решения задач, идущих дальше

потребности обеспечить выживание. Пример – санкции и торговые войны. Их задача сейчас – не вернуть Россию, Китай или даже Иран в русло либерального мирового порядка, а просто ослабить их в рамках всеобщей борьбы за существование на руинах мироустройства. Сохраняет значение военное превосходство ядерных держав, но оно также практически неприменимо для решения международно-политических вопросов, за исключением одного, самого стратегического – недопущения мировой войны. То, что Россия, США и Китай располагают самым большим из всех стран запасом вооружений, не делает их сильнее в постоянной борьбе за ресурсы, но оставляет возможность уничтожить себя и остальных в том случае, если надежда на сохранение их положения будет окончательно утеряна.

Должно получиться лучше

Дисфункция институтов неоспорима, им невозможно вернуть регулирующую роль, которую они играли прежде. Правительства и народы сами отвечают за свою судьбу. Будущее снова впереди, оно не предопределено и зависит от каждого. Не только и не столько будущее планеты, хотя невозможно игнорировать общемировые проблемы, сколько будущее каждой конкретной страны. Переложить ответственность больше не на кого, как мы уже писали в одном из валдайских докладов, пора взрослеть⁴.

Это значит, что необходимо пересмотреть ведущуюся дискуссию – она больше не может быть основана на презумпции того, что необходимо возвращение к некоему существовавшему порядку. Собственно, на практике никто уже и не мыслит в этих категориях. Институты используются как ширма для практических действий государств. Наступает эпоха творческого подхода в международной политике, результатом которого могут стать самые неожиданные с точки

⁴ Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И. Время взрослеть, или Оправдание анархии. Ежегодный доклад Клуба «Валдай» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 30.09.2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/vremya-vzroslet-ezhegodnyy-doklad/>

зрения традиционной линейной логики решения – от непривычных и даже парадоксальных альянсов, в основном ситуативных, до резких шагов, кардинально меняющих содержание той или иной проблемы. Повторим, это не следствие собственно пандемии, всё началось намного раньше. Но если до неё у государств (в том числе и России) могла быть надежда, что прежний порядок так или иначе будет восстановлен, и те, кто чувствовали себя обделёнными, получают больше прав, то теперь окончательное осыпание неизбежно. И все обделённые получают шанс проявить свои таланты при сооружении нового здания. Заодно и показать, есть ли эти таланты.

Избежание «одичания» в условиях слома правил и институтов, отказ от практики «каждый за себя» – основная задача международной политики на предстоящем этапе. Звучит не слишком вдохновляюще, но таков итог предшествующих тридцати лет. Первая попытка построить устойчивое и относительно справедливое мировое устройство без большой войны, предпринятая после конца холодной войны, закончилась тем, что мы имеем сегодня. Пандемия дала шанс на вторую попытку, пусть и в довольно экстремальных условиях. Но предыдущую предпринимали как раз в условиях максимально комфортных, отчасти поэтому так всё и вышло. Сейчас нужны осторожность и ответственность. Должно получиться лучше.

- ValdaiClubRu
 - valdaiclub
 - ValdaiClub
 - valdaiclubcom
 - @RuValdaitweets
- valdai@valdaiclub.com

Программа XVIII Ежегодного заседания
Международного дискуссионного
клуба «Валдай»

